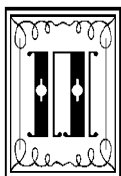

Очерк жизни Эдгара По

*...doubting, dreaming dreams no mortal
ever dared to dream before...*

The Raven

редлагаемый очерк жизни Эдгара По представляет из себя не более как краткую сводку того, что мне казалось в ней наиболее важным и общеинтересным. При составлении его я опирался, главным образом, на три исследования:

The life of Edgar Allan Poe. By William F. Gill. Illustrated. London, 1878.

Edgar Allan Poe, His Life, Letters and Opinions. By John H. Ingram. With Portraits of Poe and his Mother. 2 vols. London, 1880.

Life and Letters of Edgar Allan Poe. By James A. Harrison (illustrated). 2 vols. New York. 1902—1903.

В значительной степени все эти три исследования повторяют одно другое, находясь одно от другого в естественной временной зависимости. В работе Гилля, хотя и сильно устаревшей, есть доселе очень много ценного. Исследование Ингрэма, по своей точке зрения, чисто биографической, является пока наилучшим. Вышедшая значительно позже работа Гаррисона включает в себя очень много новых материалов, и чисто литературные его оценки и суждения весьма любопытны и красноречивы, но он грешит нагромождением лишних сведений, заставляющих нас слишком близко соприкасаться с незначительными личностями той эпохи, которым лишь там и надлежит оставаться, ибо не все нужно тащить к зеркалу Вечности. Я старался в своем очерке быть строго летописным и, имея

в виду не раз еще вернуться к Эдгару По, говорю от самого себя лишь то, что было строго необходимо сказать. Английские души не могут никак обойтись без обвинения или оправдания, приближаясь к существу исключительному. Если что-нибудь из этого проскользнуло и в мои строки, это вынужденно. Я полагаю, что такие гении, как Эдгар По, выше какого-либо обвинения или оправдания. Можно пытаться объяснять красный свет планеты Марс. Обвинять его или оправдывать смешно. И странно обвинять или оправдывать ветер Пустыни, с ее песками и далями, с ее Ужасом и Красотой, ветер, рождающий звуки, неведомые не бывшим в Пустыне.

I

Детство, Отрочество, Юность

Эдгар По был из древнего ирландского рода. Его дед с отцовской стороны, генерал Дэвид По, в раннем возрасте был взят своими родителями в Соединенные Штаты, полюбил свою новую родину и впоследствии весьма отличился во время Войны за независимость. Генерал По в точном смысле слова был патриотом. Чтобы одеть, накормить и пристойно устроить вверенных ему голодных и оборванных солдат, он лишил себя всего своего наследства. Американское правительство впоследствии не возместило его убытков, к крайнему негодованию одного из ближайших друзей генерала По, знаменитого Лафайета, который, посетив Америку в 1824 году, нашел вдову генерала По скорее в стесненном положении, нежели в состоянии благополучия, — ту самую женщину, которая в 1781 году сама выкроила и наблюдала за приготовлением сотен одеяний для героических оборванцев Лафайета. «Baltimore gazette» («Балтиморская газета») тех дней, со старомодной трогательностью описывает это свидание: «Генерал Лафайет чувствительно обнял миссис По, восклицая в то же время со слезами: “В последний раз, как я обнял вас, madame, вы были моложе и более цветущей, чем теперь”. Он посетил, со своею свитой, могилу генерала По на Первом пресвитерианском кладбище и, став на колени, поцеловал землю, бывшую над покойником, и плача воскликнул: “Ici repose un coeur noble!” — “Здесь покоится благородное сердце!” — справедливая дань памяти благого, если не великого человека».

Старший сын генерала По, носивший его имя, Дэвид, был определен родителями к юриспруденции. Но карьера адвоката его не пленяла. Он увлекся частью веселыми пирушками, частью сценическими зрелищами и основал, вместе с несколькими своими юношами-товарищами, некое сообщество для развития вкуса к драме. Заседания этого малого клуба происходили в одной просторной комнате в доме, принадлежавшем генералу По. Каждую неделю на них читались отрывки из старинных драматургов и игрались ходкие пьесы тех дней. Пренебрежение к юриспруденции и увлечение драматургией окончилось влюбленностью Дэвида По в юную, красивую и большеглазую английскую актрису Элизабет Арнолд, которой Судьба предназначила даровать миру Эдгара По. Ее судьба вообще была изумительна. Как гласят биографы, эта красивая девушка имела в себе все признаки духа, будучи «девушкой без какой-либо страны»: она родилась посреди океана, в то время как ее мать, пересекая Атлантику, уезжала из Англии в Америку; ее мать, родив ее, умерла, отца у нее не было, и кто-то чужой, сжалившись над ней, приютил ее, воспитал и приготовил к сцене. Любопытно отметить, что, при первом дебюте своем, в августовский вечер 1797 года, в Нью-Йорке, она выступила в пьесе, которая называлась «Балованное дитя». «Каждый, кто взглянет на портрет Элизабет Арнолд, — справедливо говорит Гаррисон, — не может не почувствовать, что именно такое воздушное лицо должно было быть у Мореллы, Элеоноры и Лигейи. Это лицо эльфа, духа, ундины, которой надлежало стать матерью самого эльфного, самого неземного из поэтов. Таким образом, в жилах Эдгара По слились богатые токи ирландской, шотландской, английской и американской крови, и слились в нем в одно кельтский мистицизм, ирландская пламенность, шотландская мелодия, тонкая, с радужными краями, фантазия Шелли и Кольриджа, и живая независимость заатлантического американца, в котором возродились все отличительные свойства Старого Мира и которому все эти сокровища музыки и воображения, страсти и тайны были дарованы какой-нибудь феинной крестной матерью. Элизабет Арнолд отличалась в пении, танце и драматической игре, и ей было так же легко исполнять роль Офелии и Корделии, как изобразить с изяществом польский танец под волынку Дэвида По». Эдгар По впоследствии всегда лелейно относился к памяти своей матери, и в самую блестящую пору своей жизни он однажды сказал, что никакой граф никогда не был так горд своим граф-

ством, как он своим происхождением от женщины, которая, хотя из хорошей семьи, не поколебалась посвятить драме свою короткую карьеру гения и красоты. Но если так думал поэт Эдгар По, не так полагал генерал Дэвид По, и брак отца и матери будущего поэта был одним из тех осужденных браков, которые возникают мгновенно, соединяя для слепого внезапного счастья и долгих зорких часов заботы и нищеты, двух юных влюбленных. Родители отреклись от сына и примирились с ним лишь после рождения первого ребенка, Уильяма. От сцены к сцене молодая талантливая актриса и юный влюбленный актер, не имевший особого дарования, вели бродячую жизнь. От Чарлстона к Нью-Йорку, от Нью-Йорка к Бостону, от Бостона к Ричмонду, от Ричмонда к Вашингтону, и еще, и много разных еще, с малыми детьми, в злополучных повозках того времени, загроможденных театральным хламом.

В высшей степени достопримечательно, что, как раз за девять месяцев перед рождением поэта, 18 апреля 1808 года, мистер и миссис По выступали в трагедии Шиллера «Разбойники», в соучастии со старыми своими друзьями, мистером и миссис Ашер.

Эдгар По родился в Бостоне 19 января 1809 года, и Гаррисон называет этот год звездным годом в историческом календаре, ибо в этот *Annus Mirabilis* родились его любимые поэты: Элизабет Барретт-Барретт, впоследствии Браунинг, которой, как «благороднейшей из представительниц ее пола», он посвятил в 1845 году «Ворона и другие поэмы», и Альфред Теннисон, которого он называл величайшим поэтом из когда-либо живших; Чарлз Дарвин, Шопен и Мендельсон, Линкольн и Гладстон. Не забудем также, что в этом году, двумя месяцами позднее, родился и родственник Эдгару По Гоголь, самый фантастический из русских писателей.

Когда Эдгару было лишь два года, его мать и его отец почти одновременно умерли от чахотки, оставив троих детей, — Элизабет Арнолд умерла в декабре, в холодном месяце незабвенного Ворона. Двоих малых сирот приютили чужие люди. Эдгар был усыновлен богатым шотландским купцом Джоном Алланом, поселившимся в Виргинии; Розали, младший ребенок, — другим шотландцем, Маккензи, а старший ребенок, Уильям, был взят дедом, генералом По. Сохранился рассказ о том, что, когда мистер Аллан и мистер Маккензи, услышав, что любимица публики, миссис По, тяжело больна, пришли к ней, они нашли ее в нищенском помещении на соломенной постели; в

доме не было ни монет, ни пищи, ни дров, вся одежда была заложена или продана, дети были полуодетые и полуголодные, а младший ребенок был в оцепенении, ибо старуха, за ним присматривавшая, чтобы успокоить его и придать ему силы, накормила его хлебом, намоченным в джине. Устрашающая картина, в которой для Эдгара По было много предвещательного.

Через две недели после смерти миссис По театр, в котором она играла, сгорел в Святочный вечер, и во время этого страшного пожара погибло шестьдесят человек. Об этом пожаре знали повсюду в Соединенных Штатах, и много лет спустя о нем рассказывали. Упорное предание повествовало также, что в этот вечер оба По сгорели в театре заживо.

Маленький Эдгар уже в два года обращал на себя внимание живостью и умом, которые светились в его детских глазах. Это жена Аллана, пленившись ребенком, убедила своего мужа усыновить его, ибо у них, несмотря на несколько лет супружества, детей не было. Эдгар вошел в зажиточный, и даже богатый дом, в котором приемная мать любила его до самой своей смерти, а приемный отец гордился своим приемышем, преждевременно являвшим различные таланты, — хотя временами был скор на руку и, будучи вспыльчив, порою сурово наказывал мальчика. К возрасту пяти-шести лет Эдгар умел читать, писать, рисовать, писать красками и декламировать стихи на забаву обедающих гостей; на забаву же их, наученный мистером Алланом быть приятным для гостей, он становился на стул, поднимал стакан с разбавленным вином и, делая самые жеманные ужимки, провозглашал тост за всех, грациозно прихлебывая вино и с шаловливым смехом опять садился на свое место при общем одобрении пировавших. Он был одет как маленький принц, у него была лошадь пони, на которой он ездил верхом, собственные собаки, чтобы сопровождать его, и ливрейный грум. У него всегда были в достаточном количестве карманные деньги, и в детских играх у него всегда была какая-нибудь любимица, которую, пока прихоть длилась, он засыпал подношениями — плодами, цветами и подарками. В связи с одним из таких детских увлечений он влез на дерево, свалился в находившийся под ним пруд и едва не утонул. Он не всегда слушался мистера Аллана и однажды, когда ему грозило суровое наказание, явил необыкновенную для пятилетнего возраста находчивость. Он попросил миссис Аллан заступиться за него, но, когда та сказала, что она не может в это вмешиваться, он отправился в сад, собрал хорошую связку прутьев, вер-

нулся домой и молчаливо протянул их мистеру Аллану. «Это зачем?» — спросил тот. «Чтобы высечь меня», — ответил мальчик, сжав за спиную руки, подняв голову и пристально устремив на своего блюстителя напряженный взгляд больших потемневших глаз. Как и предвидел пятилетний Эдгар, мистер Аллан был побежден этим мужеством. Но даже и тогда, когда дело кончалось не столь благополучным образом, Эдгар не чувствовал злопамятности по поводу действительной или мнимой обиды. Тотчас же после какого-нибудь наказания он мог с истинной сердечностью охватить своими ручонками шею приемного отца и целовать его. Он был живым, светлым и привязчивым ребенком, — стремительным и своенравным, это так, но никогда не угрюмым и не зловольным. Красивый баловень, маленький любимец, голос которого, по собственным его словам, сказанным впоследствии, был законом в доме и который в том возрасте, когда дети едва оставляют свои помочи, на коих водят их, был вполне предоставлен своей собственной воле и был господином своих поступков. Если бы жизнь продолжала этот означенный для него путь, а не привела резким поворотом к чудовищному нагромождению препятствий, превышающих силы отдельного человека!

В июне 1815 года, за день перед битвой при Ватерлоо, мистер Аллан отправился с семьею своею в Англию по одному делу, которое, как он думал, задержит его там лишь на малое время; на самом же деле он остался там на целых пять лет. Вместе с ним был и Эдгар, который совершил, таким образом, памятное морское путешествие в том возрасте, когда впечатления западают в душу наиболее глубоко, и, оставаясь пять лет в Англии, захватил своим зорким умом и чувством гениального ребенка все очарование этой отъединенной и таинственной страны. Он был отдан в школу в Стоук-Ньюингтоне, — тогда одним из предместий Лондона. Этот пригород, — вернее селение, — состоял в то время из одной длинной улицы, усаженной развесистыми вязами и бывшей остатком одной из проложенных римлянами дорог. Тенистые аллеи, зеленые лужайки, тени Елизаветы, Анны Болейн, ее злополучного возлюбленного, графа Перси, старинное здание, зачаровавшее ребенка своею готическою мрачною красотой и позднее описанное им с поэтической точностью в одном из любимых его рассказов «Вильям Вильсон». В одной из священных загоронок большой школьной комнаты, с дубовым потолком и готическими окнами, заседал, в свое время долго скрывавший свое преступле-

ние и воспетый поэтами знаменитый убийца, Евгений Арам. Когда в воскресенье, после полудня, тяжелые ворота здания со скрипом раскрывались и выпускали на волю маленького мечтателя и его товарищей, они шли под гигантскими узловатыми деревьями, среди которых некогда жил друг Шекспира, Эссекс, или смотрели с удивлением на толстые стены и глубокие окна и двери, с их тяжелыми замками и засовами, за которыми был написан «Робинзон Крузо».

Здесь Эдгар По впервые правильно учился английскому языку, латинскому, французскому и математике. А совсем недалеко от него, на небольшом расстоянии от Стоук-Ньюингтона, жили в то время гениальные юноши, Байрон, Шелли и Китс, которые в это памятное пятилетие выступили со своими звонкими песнями.

Преподобный доктор Бренсби, сохранивший в рассказе «Вильям Вильсон» истинный свой лик и даже свое имя, оказал на Эдгара По сильное влияние не только своими постоянными цитатами из Горация и Шекспира, но и благородным пониманием души ребенка. Он запомнил своего маленького американского воспитанника и годы спустя вспоминал сочувственно о его способностях и с осуждением говорил, что у мальчика всегда было слишком много карманных денег.

Пять лет в Англии и дважды совершенное океанское путешествие предрешили многое в развитии отличительных черт Эдгара По как поэта и дали ему возможность впоследствии верно найти себя. «Грезить, — восклицает Эдгар По в своем рассказе “Свидание”, — грезить было единственным делом моей жизни, и я поэтому создал себе, как вы видите, беседку грез». Эта идеальная беседка грез, обрисовывающаяся перед нами во всех духовно-пленительных сказках певучего сновидца, возникла в своих теневых очертаниях впервые в старинной Англии, а морская волна и ропот морского ветра нашептали ему рассказы о тех воздушных существах, которые движутся перед нами в таких его произведениях, как «Рукопись, найденная в бутылке», «Нисхождение в Мальстрем» или «Остров Феи». Влияние океанского путешествия на детский ум Эдгара превосходно отмечает Гаррисон. «Ни один добросовестный биограф, — говорит он, — не преминет отметить, какие любопытные психологические эффекты моря должны были быть оказаны на впечатлительный характер По в продолжение длительных океанских путешествий почти столетие тому назад, когда месяц было быстрым переездом через седую Атлантику, и

преждевременно развившийся ребенок, сперва шести, потом двенадцати-тринадцати лет, провел месяц или целых два месяца существования, на преломлении лета, среди блесков июньских морей. Никто не изобразил ветер в мириаде его магических очертаний, и форм, и ощущений или воду в ее бесконечных различностях цвета и движения более четко, чем автор “Артура Гордона Пима”, “Рукописи, найденной в бутылке” и “Падения дома Ашероу”. Эолова рьяность фантазии поэта, шеллианская многогранность фразы и ритма, с которыми он живописует ветер и воду, бурю и тишь, прудок и озеро, истолковывая тысячекратные тайны воздуха и выпуская на волю, из их запертых уединений с несчетными складками, трепет внушения и ужаса, должны были, по крайней мере, зародиться в эти замедленные отроческие странствия по океану. Оба раза он пересек Атлантику в июне, когда лучезарность звезд являет себя во всей их красоте на преломлении лета и когда “полумесяц Астарты алмазной” и звездные иероглифы неба выступают в лазури стутками огня, дабы навсегда быть сложенными в сокровищницу в звездных поэмах и в звездных намеках. “Рукопись, найденная в бутылке” есть водная поэма с начала до конца, написанная в том раннем возрасте, когда юноша живо помнил эти впечатления. Зефироподобные, из паутины сотканые женщины сказок суть воплощения шепчущих ветров; их движения суть ветерковые волнообразности воздуха, идущего над склоняющимися колосьями; их мелодические голоса суть лирические возгласы ветра, возжаждавшего говорить членораздельною речью через горла, подобно флейтам; и полны страсти, и отягощены значением, музыкальные изменения выражения, что свеваются с их губ как благовония, вздохом нисшедшие из цветочных чаш».

В 1820 году путники были опять дома, в Виргинии, желанной Эдгару По по многим причинам, а впоследствии возлюбленной им и за то, что имя этой области совпадало с именем жены его, которую он идолопоклоннически любил. Полудетские впечатления нашли верное выражение: 1821—1822 года были начальным периодом созидания стихов.

В 1822 году мистер Аллан поместил своего приемного сына в школу в городе Ричмонде, в штате Виргиния, где Алланы опять поселились. Воспоминания сверстников и сверстниц неизменно рисуют Эдгара По красивым, смелым, причудливым и своенравным, — черты, которые он сохранил на всю жизнь. Некоторые подробности детских шалостей до странно-

сти совпадают с теми литературными приемами, которые позднее предстали как отличительные особенности творческого дарования Эдгара По. Кто-то рассказывает: «С отцом и с матерью мы отправились провести Святочный вечер с Алланами. Среди игрушек, приготовленных для наших забав, была некая змея, длинная, гибкая, глянцевитая, разделенная как бы на суставы, которые были соединены проволоками, и ребенок, взяв змею за хвост, мог заставить ее извиваться и бросаться кругом, самым жизнеподобным образом. Это отвратительное подобие змеи Эдгар взял в руку и, пугая, прикасался им к моей сестре Джен до тех пор, пока она почти не обезумела». Наивный человек прибавляет: «Этого низкого поступка я ему не мог простить доселе». Вероятно, позднее этот человек не мог ему простить и таких его сказок, как «Черный кот» или «Сердцеобличитель». Другой рассказ из тех дней еще более определителен: «Однажды в доме моего отца было заседание “Джентльменского клуба игры в вист”. Члены клуба и немногие из приглашенных гостей собрались и уселись за столиками, расставленными тут и там в большой зале, и все было так гладко и спокойно, как это было в некоторую “Ночь под Рождество”, о которой мы читали, как вдруг появилось привидение. Привидение, несомненно, ожидало, что все общество игроков в вист будет испугано, и, действительно, они были приведены в некоторое движение. Генерал Уинфильд Скотт, один из приглашенных гостей, с решимостью и быстротою старого солдата прыгнул вперед, как будто он руководил нападением на маневрах. Доктор Филипп Торнтон из Раппагэннока, другой гость, был, однако, ближе к двери и более проворен. Привидение, увидев, что его теснят, начало отступать, пятясь кругом по комнате, но не отвращая своего лица от врага, и, когда доктор дотянулся до него и попытался схватить привидение за нос, привидение хлопнуло его по плечу длинной палкой, которую оно держало в одной руке, в то время как другой противоборствовало, чтобы не быть схваченным за простыню, облекавшую его тело. Когда наконец оно вынуждено было сдаться и маска снята была с его лица, Эдгар смеялся так сердечно, как это не делало когда-либо раньше какое-нибудь привидение». Очень определителен еще следующий рассказ: «Один школьник, Сэльден, сказал кому-то, что По — лгун или мошенник. Будущий поэт услышал об этом, и вскоре между мальчиками возгорелся бой. Сэльден был дороднее По, и некоторое время он его знатно тузил. Слабый мальчик, по-видимому, подчинил-

ся ему без особого сопротивления. Вдруг По опрокинул чашу весов и, к великому удивлению зрителей, превесьюма поколотил своего соперника. Когда его спросили, почему он позволил Сэльдену так долго тузить его, По отвечал, что он ждал, когда его противник задохнется, перед тем как показать ему кое-что в искусстве боя».

В Ричмондской школе Эдгар По сделал большие успехи во французском языке и в латинском, но еще больше — в плавании и в беге. Один из его товарищей говорит в своих воспоминаниях, что Эдгар По был своевольным, капризным, склонным быть повелительным и, хотя исполненным благородных порывов, не всегда добрым или даже любезным, и, таким образом, он не был повелителем или даже любимцем школы. Было тут нечто и другое, более важное для психологии школьников. Об Эдгаре По знали, что родители его были актер и актриса и что он зависел от доброты того, кто взял его как приемного сына. Все это вместе влияло, по-видимому, на мальчиков так, что мешало им выбрать его вождем. Нужно еще сказать, что мистер Аллан гордился своим красивым и одаренным приемышем, но он не испытывал к нему отеческой привязанности, — чувство, которого всегда хотело впечатлительное сердце этого тонко-чувствительного существа. Трудно оценить, с каких ранних дней запылала горечь в сердце Эдгара По и как рано зоркий его ум увидел несоответствие между внутренними достоинствами отдельного человека и внешним отношением к нему других людей.

Очень интересны воспоминание об Эдгаре По доктора Эмблера: «Я помню моего старого школьного сверстника, Эдгара Аллана По. Я провел мои ранние годы в городе Ричмонде, и в промежуток времени 1823—1824 годов я был в постоянной с ним близости. Никто из живущих, смею сказать, не имел наилучшего случая познакомиться с его телесными свойствами, ибо два лета мы раздевались ежедневно для купанья и учились плавать в том же самом прудке, в бухточке Шоко. Эдгар По не выказывал способности к плаванию; позднее, однако же, он сделался знаменит, свершив плавание от Уорвика до Моста Майо». Сам Эдгар По, говоря об этом случае своей жизни, замечает: «Любой *плаватель через пороги* в мои дни переплыл бы Геллеспонт и ничего бы особенного об этом не думал. Я проплыл от набережной Лодлэма до Уорвика (шесть миль) под жарким июньским солнцем против одного из самых сильных течений, какие вообще ведомы в реке. Проплыть двадцать миль в тихой воде было бы достижением сравнительно легким.

Я бы не так уж много думал и о попытке переплыть Британский канал из Довера в Кале». Легкость такой попытки есть, конечно, поэтическое преувеличение, но факт того, что он проплыл шесть миль, засвидетельствован его сверстниками, впоследствии полковником Майо и доктором Кэбеллем. Майо, проплыв три мили, отказался от дальнейшего состязания, а Эдгар По, несмотря на крайне жаркий день, доплыл до конца, но, когда он вышел из воды, все лицо его, шея и спина были покрыты волдырями. Он, однако, не казался очень усталым и немедленно после такого свершения, предпринятого на пари, пошел назад пешком в Ричмонд.

Полковник Майо рассказывает еще о другом, более опасном, предприятии. Однажды, посреди зимы, когда они стояли на берегах реки Иакова, Эдгар По поддразнивал своего товарища и манил прыгнуть в воду, чтобы доплыть с ним до известной точки. После того как они некоторое время барахтались в полумерзшем потоке, они достигли свай, на которых покоился тогда Мост, и весьма были рады, что могут остановиться и попытаться достичь берега, взобравшись по устою до Моста. Достигши Моста, они, однако же, заметили, к своему смятению, что помост заходит на несколько футов над устоем и восхождение этим способом есть невозможность. Им не оставалось ничего другого, как спуститься и направиться обратно тем же путем, что они и сделали, измученные и полумерзшие: Эдгар По достиг суши совершенно истощенный, а Майо был подобран дружеской лодкой в ту самую минуту, когда он начал тонуть. Достигши берега, Эдгар По был схвачен страшным приступом рвоты, и оба пловца были больны в течение нескольких недель. Полковник Майо помнит Эдгара По как надменного, красивого, горячего и своевольного юношу, не расположенного к рукопашной схватке, но с большой умственной силой и с всегдашней готовностью уцепиться за какую-нибудь трудную умственную проблему.

В то время когда Эдгар По был в Ричмондской школе, он пришел однажды к одному из своих товарищей, мать которого звалась Елена Стеннерд. Собственно, ее имя было Джен, но Эдгар По не любил имя Джен и заменил его означительным именем Елена. Войдя в комнату, эта леди взяла его за руку и сказала ему несколько ласковых слов, и эта ласка чужого человека до такой степени сильно потрясла мальчика-юношу, что он онемел и был близок к потере сознания. Эта напряженная чувствительность к чужой доброте по отношению к нему была

одной из самых выдающихся черт характера Эдгара По за всю его жизнь. Елена Стеннерд сделалась поверенной его полудетских скорбей, но проклятие, преследовавшее Эдгара По всю его недолгую жизнь, пожелало, чтобы через несколько месяцев она лишилась рассудка и умерла. И мальчик, помнивший потом эту ласковую тень всю жизнь, приходил к ней на могилу много месяцев спустя после ее смерти, и чем темнее и холоднее была ночь, тем он дольше оставался на могиле, чтобы ушедшей было не так холодно в гробу.

Эдгару По было суждено, чтобы всю жизнь его сопровождала тень. Призрак безумной Елены проходит через его сказки и баллады, не покидая его никогда, как призрачно-прекрасный лик его матери, заключенный в медальон, был при нем до смертного его часа.

Если так быстро порвалось первое идеальное соотношение его души с женской душой, приблизительно в это же время он узнал и первое любовное разочарование. Сара Эльмира Ройстер, юная девушка шестнадцати лет, полюбила Эдгара По, который был старше ее лишь на год, и он полюбил ее. «Он был джентльмен, в истинном смысле этого слова, — писала она много лет спустя. — Он был одним из самых очаровательных и утонченных людей, которых я когда-либо видела. Я восхищалась им более, чем каким-либо человеком когда-нибудь». Эта юношеская любовь длилась до поступления Эдгара По в университет в 1826 году. Он написал ей оттуда несколько писем, но ей не пришлось их прочесть не по неаккуратности почты. Ее отец перехватил их. Она узнала об этом лишь тогда, когда семнадцати лет мисс Ройстер сделалась миссис Шелтон. Тривиальный роман, каких в мире были миллионы. Но не каждая душа обманутого получает глубокую царапину в сердце. И судьбе было угодно, чтобы Эдгар По встретился со своей Эльмирой перед самой смертью и вторично стал ее женихом, но как с невестой юности его разлучила жизнь, так с невестою предсмертных дней его разлучила смерть.

II

Юность, Творчество

Виргинский университет, в который поступил Эдгар По в 1826 году, расположен в очаровательной местности, окружен-

ной горами и описанной позднее поэтом в «Сказке извилистых гор». У юного мечтателя, любившего одиночество и совершавшего в горах долгие прогулки наедине с самим собой или в обществе верной собаки, были излюбленные тропинки, которых не знал никто, лесные лужайки, тенистые чаши, лабиринты из серебряных рек, горные обрывы и облака, поднимающиеся кверху из ущелий, туда, к лазури и к солнцу, как устремляется к солнцу восходящая дымка мечты.

Этот университет был только что открыт, и в нем, не в пример прочим американским высшим школам, были усвоены правила полной свободы студентов, что послужило им, впрочем, к ущербу. Неподросшие юноши хотели походить на старших, а старшие весьма усердно играют в карты, — итак, вполне фешенебельно играть в карты. Дьявол карточной игры был первым из демонов, повстречавшихся Эдгару По на его жизненной дороге, и именно этот дьявол обусловил начальный ход его жизненных злополучий.

Вступление Эдгара По в университет ознаменовалось забавным приключением, очень похожим на Эдгара По. Он поселился в одной комнате с юным земляком, Майльсом Джорджем. Совсем вскорости, — оттого ли что Майльс отказался вместо Эдгара открыть дверь Уртенбеккеру, который, как библиотекарь и факультетский секретарь, каждое утро обходил университетское общежитие, чтобы осмотреть студентов, одеты ли они и готовы ли для работы, оттого ли, что Эдгар не был расположен в понедельник утром сосчитать грязное белье и отдать его прачке, — но только они поссорились. Они не перешли, конечно, низким образом от слова к делу, но, по старому доброму обычаю, назначили друг другу бой, удалились в поле по близости от университета, раза два схватились, сообщая друг другу, что они вполне удовлетворены, пожали друг другу руку и возвратились в университет самыми горячими друзьями, но не обитателями одной и той же комнаты. После этого малого поединка Эдгар По поселился в комнате, означенной числом 13.

Близкий университетский друг Эдгара По, Теккер, описывает Эдгара тех дней как любителя всякого рода атлетических и гимнастических игр. Карты и вино были распространенной забавой среди студентов. Страсть Эдгара По к сильным напиткам, как говорит Теккер, уже тогда отличалась совершенно особенным свойством. Если он видел искуcительный стакан, он испивал его сразу, без сахара и без воды, залпом, и без малейшего видимого удовольствия. Очевидно лишь для дейст-

вия, не для вкуса. Одного стакана ему было совершенно достаточно: вся его нервная система от этих нескольких глотков приходила в сильнейшее возбуждение, находившее исход в бесперерывном потоке сумасбродной чарующей речи, которая неудержимо и сиреноподобно зачаровывала каждого слушателя. Другие современники отрицают, однако, чтобы в это время он был подвержен вину, и отмечают только его неудержимую страсть к картам и страсть к сочинительству. Эдгар По любил читать Теккеру свои произведения, и, если его друг что-нибудь особенно хвалил, тогда он сзывал нескольких друзей и читал написанное вслух. Маленькая комната под номером 13 нередко наполнялась юными слушателями, которые внимали какому-нибудь странному дикому рассказу, захваченные вымыслом и самую интонацией повествующего голоса. Юный поэт был при этом очень шепетилен, и, когда один из слушателей, желая подшутить, сказал раз, что имя героя, Геффи, встречается слишком часто, гордый дух художника не стерпел, и, прежде чем кто-нибудь успел помешать, вся повесть уже пылала в камине. И говорят, что всю жизнь Эдгар По не очень любил имя Геффи.

Картежная игра была настолько распространена среди студентов, что университетское начальство, наконец, решило положить этому предел. Итак, войдя в переговоры с гражданскими властями, оно решило уловить юных игроков и вручить каждому из наиболее отмеченных предложение явиться на суд. В один прекрасный день шериф с доброю свитой стоял в дверях какой-то из аудиторий, как раз в то время, когда утренний колокол должен был прозвучать, и соответственные юноши при перекличке должны были получить повестки. Однако уловляемые были вовсе не так просты, чтобы тотчас попасться в сети врага. Им не надо было и слова предостережения. Одна тень шерифа с его людьми была достаточно красноречива. С Эдгаром По в качестве вождя все они, кто как мог, ринулись через открытые окна, а некоторые через противоположную дверь, и были таковы. Шериф, его свита и профессор были в полном обладании пустой аудиторией. Началась погоня по горячим следам. Но те, кто считал себя наиболее нацеленной дичью, не направились, конечно, в свои комнаты, где их было бы легко найти, а по безлюдным путям, хорошо ведомым Эдгару По, бежали в царство обрывистых гор. Они знали, что неладно это — возвращаться в университет до наступления ночи. Некоторые, в торопливом бегстве, успели-таки захватить одну-другую колоду карт, дабы сократить часы самоназначенно-

го изгнания. Убежищем был красивый горный дол, в месте почти недоступном, далеко от пробитого пути. Беглецы оставались здесь без скуки три дня.

Очень живописно еще другое студенческое приключение тех дней, но неизвестно, был ли Эдгар По одним из его участников. Компания пирующих студентов шла вдоль дороги, лежащей между селением и университетом, как вдруг перед юношами неожиданно предстал профессор моральной философии и политической экономии. Большинство студентов бежало; но один, впоследствии очень видный адвокат, презрел утайку. «Я, — сказал он, — такой-то из Тускалузы, слишком твердый, чтоб лететь, и слишком гордый, чтобы сдаться». — «И, — сказал профессор, — пожалуй, слишком пьяный, чтоб стоять».

Конечно, не в одних подобных забавах проходила жизнь Эдгара По в университете. Он превосходно овладел французским и латинским языками. Он мог совершенно легко читать и говорить на обоих языках, хотя его отношение к иностранным языкам было не отношение ученого, а отношение поэта. К греческому он был довольно равнодушен. У него была поразительная память, и ему было достаточно заглянуть в страницу, чтобы уже знать ее. Уртенбеккер, имевший достаточно случаев видеть близко Эдгара По в его студенческие дни, впоследствии писал о нем в своих «Воспоминаниях»: «Эдгару По было немножко более семнадцати лет, когда он записался в число студентов (родился 19 января 1809 года — стал студентом 14 февраля 1826-го). Он записался на лекции древних и современных языков и изучал латинский, греческий, французский, испанский и итальянский языки. Я сам был членом трех последних классов и могу засвидетельствовать, что он довольно правильно посещал лекции, был успешным студентом и получил отличие на окончательном экзамене латинского языка и французского. В то время это была величайшая почесть, какую мог получить студент. Это давало право на диплом касательно двух этих языков. Профессор итальянского языка однажды предложил студентам изложить в английских стихах отрывок из Тассо. На следующую лекцию оказалось, что один только Эдгар По был способен это сделать. Я помню, что Эдгар По часто читал книги по истории. Как библиотекарь, я не раз имел с ним официальное соприкосновение, но лишь в конце учебного года я однажды встретился с ним в обществе. После того как мы провели вечер вместе в одном частном доме, он пригласил меня на обратном пути к себе в ком-